

УДК 93:323.3

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СО СТУДЕНЧЕСТВОМ
(20-е годы XX века)**

О.А. Хабибрахманова

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, 420012, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношения научной интеллигенции и студентов в высших учебных заведениях г. Казани в 20-е годы XX в. В этот период произошли серьёзные трансформации профессионального пространства научной интеллигенции, в том числе изменились коммуникационные практики. Появление рабочих факультетов, наводнение вузов пролетарской молодёжью способствовало складыванию новых взаимоотношений со студенчеством. Недовольство профессоров и преподавателей появлением новой категории студенчества обнаруживалось в стенах вузов во время проведения учебных занятий, при приёме экзаменов. Отстаивая академические ценности, учёные придерживались старых учебных программ, которые порой не могли освоить малограмотные пролетарские студенты. Трансформация взаимоотношений со студенчеством рождала новые социально-коммуникационные практики и, как следствие, способствовала изменению идентичности профессорско-преподавательского состава вузов г. Казани.

Ключевые слова: научная интеллигенция, советская власть, профессиональное пространство, Казанский университет, коммуникации, студенчество, рабочий факультет, пролетарская молодёжь, профессорско-преподавательская корпорация, трансформации

Институциональные изменения, вызванные к жизни новой эпохой, повлекли за собой серьёзные социальные трансформации. В водоворот потрясений были втянуты все слои российского общества. Реакция научной интеллигенции на происходящие реконструкции была весьма специфична. Эта социальная группа, будучи сильно привязанной к месту службы и окружению (подробнее см. [1]), очень болезненно переживала воздействие внешних факторов, под влиянием которых формировалась новая идентичность [2]. Довольно часто они воспринимались учёными субъективно – как разрушение личного пространства [3]. Общественно-политические события, снижение роли науки, а следовательно, изменение статуса учёного привели к появлению новых коммуникационных практик [4].

Трансформация профессионального пространства ярко проявлялась во взаимоотношениях профессорско-преподавательского состава со студентами, и весьма непросто было перестроиться научной интеллигенции.

Одной из особенностей преподавательской деятельности, как известно, является трансляция своих мыслей, чувств и эмоций на объект преподавания. Часто случалось, что таковое самовыражение оборачивалось для преподавателя серьёзными последствиями. Как было отмечено нами ранее, «в 1920-е гг. отлаживается и своеобразная система отношения профессуры к студентам во время учёбы и на экзаменах. Так, чтобы стать советским профессором, необходимо было иметь особое отношение к пролетарским студентам» [5, с. 86]. Тогда по новым правилам приёма в первую очередь в высшие учебные заведения зачислялись пролетарские кадры – лица, окончившие рабочие факультеты и/или командированные наркоматами, губкомами партии и профсоюзами. Например, среди зачисленных на первый курс факультетов общественных наук 35% направлены наркоматами, 39% были членами ВКП(б) [6, с. 139].

Пролетаризация студенчества в вузах вызывала недовольство со стороны профессоров и преподавателей главным образом потому, что образовательный уровень выходцев из рабоче-крестьянской среды был весьма невысок, именно эта категория студенчества оказывалась в рядах неуспевающих. Впрочем, сами преподаватели не спешили менять своё отношение к новому студенчеству и часто намеренно демонстрировали их невысокий уровень подготовки.

Из воспоминаний Т.П. Афанасьева, студента Казанского университета

Чего греха таить – были единицы преподавателей, которые были не объективны в оценке знаний студентов. Это в большей мере касалось рабфаковцев, особенно коммунистов и комсомольцев. Иногда это было в виде коварного приёма – в вызове на экзамен одновременно до 3–4 человек. Задавался вопрос – сидящий первый студент что-то отвечал, другие по очереди должны дополнять. Последним был посажен нелюбимый, то есть рабфаковец, коммунист, и его легко можно было скомпрометировать или провалить (ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10074. Л. 7)¹.

Противостояли наводнению вузов пролетарской молодёжью по-разному. Если профессор Казанского ветеринарного института В.И. Логинов «саботировал и тормозил академическую работу», желая «посадить весь курс на экзамене» (НА РТ. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 46. Л. 57), то в работе А.Я. Богородского, профессора Казанского университета, отмечали «те провалы, которые делаются профессором, который думает, таким образом, выгнать из стен вуза новое студенчество» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 2. Л. 18).

«Нежелание профессуры “идти на встречу” пролетарскому студенчеству по своему трактовалось во время заседаний партийного бюро, где часто можно было услышать: “...заседание отмечает те провалы, которые прodelьваются профессором А.Я. Богородским [на экзаменах], который думает таким образом выгнать из стен вуза новое студенчество”²... В подобной ситуации заявления профессора В.И. Логинова о том, что “студенты второго курса на следующий год ко мне походят”³... могло оказаться крайне опасным для дальнейшей судьбы

¹ Орфография и пунктуация здесь и далее даются в соответствии с нормами современного русского литературного языка. – *Ред.*

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

³ НА РТ. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 46. Л. 57.

учёного. Признавая, что “погорячился”, профессор в своё оправдание сообщил, что «“ныне студенты лучше сдают, чем было в прошлом году”⁴... Логинову удалось доказать своё право на преподавательскую деятельность. Но следует учесть тот факт, что основным аргументом защиты профессора стала не профессиональная деятельность учёного, а умение доказать своё искреннее желание стать советским профессором» [5, с. 86], то есть свою лояльность к пролетарскому студенчеству. Такие практики со временем прочно вошли в жизнь учёных.

Чрезвычайно болезненное отношение профессорско-преподавательской корпорации к сокращению ряда фундаментальных дисциплин, которые в дореволюционной высшей школе считались обязательными, вылилось в череду попыток изменить положение. Трепетное отношение к прежней системе преподавания можно проследить по ряду документов, отразивших взаимоотношения профессуры и студенчества. В 1926 г. преподавателями физико-математического факультета Казанского университета была написана записка, текст которой довольно сложно восстановить. Доподлинно известны лишь выдержки из неё, цитируемые студентами в ответной записке своим преподавателям. Определённо это было решительное выступление против советской системы преподавания. Студенты пишут: «Профессорско-преподавательский состав считает, что физмат выпускает вообще образованных людей, отстаивая все общеобразовательные предметы, студенческая же группа считает, что задачи физмата – выпускать людей-специалистов, нужных власти, отстаивая сокращение общеобразовательных предметов» (НА РГ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 42. Л. 89 об.). Борясь за фундаментальный курс электронного магнетизма, профессор А.Д. Гольдгаммер обвинял студенческую группу «в элементарном непонимании вопросов преподавания, когда, например, требуют исключить из учебного плана тот или иной предмет, заявляя, что студентам это не нужно. И не стесняются сознаваться при этом, что они даже не знают, о чём этот предмет толкует» (НА РГ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 42. Л. 90 об.).

Протест профессуры часто выливался в обвинения студентов в некомпетентности, безграмотности. Своё возмущение она транслировала на новую категорию студенчества. Перекладывая ответственность за систему преподавания на последних, преподаватели возмущённо писали: «Всё поведение студенческих представителей носит какой-то оппозиционный характер... студенческая группа во что бы то ни стало стремится сохранить учебную работу студентов, в ущерб сущности дисциплины» (НА РГ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 42. Л. 90). Профессор Казанского университета Н.Н. Парфентьев объяснял факт отсутствия практических занятий малой активностью студенчества, заявляя: «В весеннем триместре практические будут» (НА РГ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 42. Л. 89). На беспочвенность обвинения в его адрес, поскольку несистематичность проведения им занятий была только кажущейся, указывает следующее: «При чтении лекций он опирается на материал, который должен быть известен с первого курса, но, очевидно, большинству студентов не известен» (НА РГ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 42. Л. 89). Профессору Д.Н. Зейлигеру студенческая группа инкриминировала «неравномерности характера принятия экзаменов, когда были случаи, что в один

⁴ НА РГ. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 46. Л. 69 об.

срок почти все сдают на “весьма”, а в другой срок почти совсем никто ни сдаёт». Идёт в итоге он по тому же пути, что и его коллега: ответственность перекладывается на студенчество. Д.Н. Зейлигер разъясняет, что «неравномерность характера зачётов объясняется неодинаковой подготовкой студентов, а не его настроением» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 42. Л. 88 об.).

«Дискриминационные действия властей не всегда могли навязать определённый образ действий и студенчеству. Нередко бывало и так, что студенты вставали на защиту своих преподавателей. Такая защита могла носить даже публичный характер. Открытое письмо получил ректор Казанского университета от студентов второго курса медицинского факультета с заявлением в защиту профессора анатомии В.А. Попова. В письме студенты полностью опровергали факты “ненормального способа экзаменования, применяемого профессором нормальной анатомии В.А. Поповым”, о чём было написано в Вестнике Областного студенческого бюро ТССР. “По постановлению общего собрания студентов, – заявляют студенты-медики, – никакого заявления на неправильные действия профессора Попова во время экзаменов в деканат медфака подано не было. Студенты-медики более чем уверены, что инцидент между некоторыми студентами и профессором Поповым произошёл по вине самих студентов, мало подготовленных к экзамену”⁵... Позднее, на общем собрании членов ВКП(б), был отмечен рост активности профессуры и беспартийной части студенчества на медицинском факультете. Звучали слова предостережения: “Профессура имеет определённую группу студенчества, на которую можно бы было опереться, и часть профессуры такую поддержку имеет, на это нужно обратить особое внимание”⁶... На заседаниях бюро ячейки медицинского факультета университета ещё не раз поднимали вопрос об отношении профессуры к студенчеству: “Наблюдается стремление профессуры завоевать студентов на свою сторону. Профессура стремится отвлечь студенчество от всякой общественной работы, они считают, что пока студент находится в стенах вуза, то он в первую очередь должен быть лучшим академиком. Мы против такого однобокого специалиста. Нам нужен советский специалист-общественник”⁷...» [5, с. 87]. По всей вероятности, профессорско-преподавательская корпорация действительно пыталась хотя бы локально сохранить прежние взаимоотношения со студенчеством. Не выступая открыто против новых порядков, научная интеллигенция формировала вокруг себя комфортное социальное окружение, очень схожее с дореволюционным.

Ещё одним серьёзным испытанием для профессорско-преподавательского состава Казанского университета стало создание рабочего факультета, поскольку новая структура полностью меняла систему не только образования, но и внутрикорпоративных связей. Администрация университета, где были ещё сильны тенденции к сохранению старого профессионального окружения, и руководство рабочего факультета, как и его преподаватели, зачастую находились в сложных взаимоотношениях. Документы свидетельствуют о неоднократных стычках. Об одном из таких конфликтов стало известно Главному управлению профессионального образования, куда поступила докладная записка от заведующего рабочим

⁵ НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 17. Л. 85.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

факультетом М.К. Корбута. Он обвинял правление университета в «желании сорвать доклад рабфака в заседании совета» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 59. Л. 57). В объяснительной, последовавшей затем, говорится: «Товарищ Корбут не раз в заседании правления пытался делать нападки на правление за якобы недостаточное внимание его к рабфаку, но ректор университета всякий раз опровергал, на основании конкретного фактического материала, все подобные обвинения и призывал товарища Корбута к спокойной, солидной работе, указывая, что интересы рабфака одинаково дороги всем, без исключения, членам правления. И только, несомненно, болезненная психика товарища Корбута усматривала в этом преднамеренное недоброжелательное отношение к рабфаку» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 59. Л. 57). Автор, профессор Н.Г. Чеботарёв, явно лукавит. Напряжённость выливалась в оскорбительные слова, звучавшие не раз на заседаниях. В качестве примера приведём такие фразы, как «рабфаки вредят общему делу университета», «вносят разруху в стены его» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 59. Л. 81).

Заставить профессорско-преподавательскую корпорацию изменить отношение к рабочим факультетам и принять рабфаковцев в своё научно-педагогическое сообщество оказалось весьма непросто. Представителей новой структуры не спешили приглашать на заседания правления Казанского университета. На имя председателя поступали заявления язвительного содержания: «Большинство членов правления, должно быть, забывает, что в составе университета не два факультета, а три. Президиум рабочего факультета просит, чтобы на заседания правления, на которых разбираются вопросы и в которых заинтересован рабочий факультет, приглашались с правом совещательного голоса представители от рабфака» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 59. Л. 5). Заметим, в университетском совете, насчитывавшем 155 членов, 51 голос принадлежал рабфаку (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 66).

Несмотря на то что администрация вуза была обязана удовлетворять все потребности подразделения в процессе организации обучения, и здесь рабфаковцы наталкивались на всевозможные препятствия, чинимые ею. Весьма показательны один случай, который во всех деталях позволяют восстановить архивные документы, собранные в фонде Казанского университета. Как свидетельствуют сохранившиеся бумаги, конфликт разгорелся из-за нехватки учебных помещений. Правление университета ни под каким предлогом не желало отдавать дополнительные комнаты в распоряжение рабфака. Доводы приводились самые разнообразные: 1) «кабинет перегружен работающими студентами-медиками» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 64) или 2) требуемая комната занята «в настоящий момент складом общества естествоиспытателей» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 69). Просьбы, становясь настойчивее, приобретают угрожающий характер: «Подотдел рабочего факультета извещает вас, что рабочий факультет пользуется всеми правами факультета и университет должен удовлетворить потребности факультета в помещении, кабинетах, лабораториях и представить их в таковых размерах, которые обеспечили бы самое широкое развитие деятельности рабочего факультета» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 64). Правление университета на все заявления «настойчивым образом передать комнату» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 70) либо ограничивалось резолюцией «Принять

к сведению» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 64), либо отвечало, что «вопрос, поднятый в заседании правления, большинством голосов решён отрицательно». Своё мнение высказывает и ректор: «Не один только рабочий факультет переживает острую нужду в помещениях. Да иначе и быть не может...» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 70). Противостояние данное закончилось победой правления университета, его административный ресурс оказался действенным: рабфак не смог получить требуемой комнаты. Неоднократные попытки получить в своё распоряжение помещение привели представителей рабфака в администрацию Казани. На имя заведующего отделом вузов они написали текст следующего содержания: «Казанский университет не шёл навстречу рабочему факультету в деле предоставления недостающих комнат, поэтому рабочий факультет обращается за содействием в отдел вузов» (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 92). Вероятно, это обращение возымело действие, так как необходимые рабфактовцам комнаты были университетом выделены (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 30. Л. 95).

Назначение рабочих факультетов довольно точно определено М.К. Корбутом: «Рабочий факультет не просто учебное заведение, но и политическая организация, проводящая в жизнь определённую идеологию – идеологию рабочего класса» (НА РТ. Ф. Р-4882. Оп. 1. Д. 20. Л. 9). Руководствуясь этим, на рабфаке Казанского университета следят за чистотой профессорско-преподавательского состава, увольняют неугодных с формулировкой «вредные, антисоветски настроенные» (НА РТ. Ф. Р-4882. Оп. 1. Д. 20. Л. 9 об.). На заседании правления Союза работников просвещения, в повестке дня которого значится и этот вопрос, «красный профессор» заявлял: «Преподаватель должен понимать, что он не только технический исполнитель, но политический деятель... Рабфак – школа политического воспитания» (НА РТ. Ф. Р-4882. Оп. 1. Д. 20. Л. 9). Не могли оставить без ответа подобные реплики представители «старой» науки. Например, Н.Н. Парфентьев в своей статье по случаю двухлетия рабочего факультета отмечает: «Первым коррективом является насаждение рабочих факультетов, наука и техника не признают ни партий, ни политических ярлыков» (НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 17. Л. 43).

Итак, масштабная советизация системы образования предполагала не только трансформацию управления. Радикальные изменения захватили и коммуникационную сферу научно-образовательного сообщества. Выработанные «буржуазные» практики в одночасье стали непригодными, поскольку в новом обществе роль научной интеллигенции сводится в первую очередь к возвращению советского индивида. Профессура вынуждена в 20-е годы XX в. выстраивать принципиально иные социально-культурные коммуникации, нацеленные на защиту и пропаганду ценностей советского общества, а не профессиональных.

Источники

- ОРРК НБЛ КГУ – *Афанасьев Т.П.* Прошлые эпохи университета // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. Ед. хр. 10074. 7 л.
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. 25309 ед. хр.; Ф. Р-1487. 3608 ед. хр.; Ф. Р-2646. 4816 ед. хр.; Ф. Р-4882. 1281 ед. хр.

ЦГА ИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 624. Оп. 1. 1078 ед. хр.

Литература

1. *Сазонова Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани (1863–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009. – 217 с.
2. *Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Университетская культура в ритуалах, символах и мифах (на материалах Казанского университета) // Проблемы российской истории. – М.; Магнитогорск: ИРИ РАН: МаГУ, 2006. – Вып. 7. – С. 386–417.
3. *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Российская университетская корпорация XX в. как социокультурный феномен: традиции и инновации, преемственность и разрывы // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки / Ред. В. Смолий. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – Вып. 4. – С. 236–261.
4. *Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Культура повседневности провинциального города. Казань и казанцы в XIX – XX веках. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. – 252 с.
5. *Хабибрахманова О.А.* Новые коммуникационные практики в профессиональном пространстве (на примере научной интеллигенции Татарстана 1920–1930-х гг.) // Вестн. Ом. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 84–89.
6. *Чанборисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. – М: Высш. шк., 1988. – 194 с.

Поступила в редакцию
05.05.17

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии

Казанский государственный медицинский университет
ул. Бутлерова, д. 49, г. Казань, 420012, Россия
E-mail: olgaah@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 942–949

Professional Communications of Academic Intelligentsia: Relations with Students (1920s)

O.A. Khabibrakhmanova

Kazan State Medical University, Kazan, 420012 Russia
E-mail: olgaah@yandex.ru

Received May 5, 2017

Abstract

The problems of the relations between academic intelligentsia and students in higher educational institutions of Kazan in the 1920s have been considered. Fundamental transformations occurred in the professional space of academic intelligentsia, including its communication practices. The communication practices have been investigated with the purpose of revealing the social changes in the professional

space of academic intelligentsia. The system approach applied to studying the communication practices of academic intelligentsia has allowed to discover not only new social and communication practices of academic intelligentsia with students, but also to find certain transformations in the processes occurring within the professorial corporation.

Using the archival documents, difficulties in the relations between the professorial corporation and students have been shown: though the occurrence of workers' faculties and the flooding of high schools in Kazan by the proletarian youth, as well as by the example of relations developing between students and professors and teachers of high schools during the study process and examinations. The obtained results demonstrate that the transformation of relations between professors and students initiated new social and communication practices. Upholding the academic values, the scientists reinforced old curriculums, which illiterate proletarian students of that time could not master. The attempts to turn proletarian students from the walls of high schools made professors and teachers to invent a whole variety of practices, starting from "failing" examinations by students up to open opposition.

As a result, it is clear that the transformation of relations with students promoted the occurrence of new social and communication practices and, as a consequence, caused changes in the identity of academic intelligentsia. The analysis allows to reconsider the commonly accepted attitude towards the role of academic intelligentsia during social cataclysms and to define the degree of participation of academic intelligentsia in the events of the 1920s.

Keywords: academic intelligentsia, Soviet authorities, professional space, Kazan University, communications, students, workers' faculty, proletarian youth, professorial corporation, transformations

References

1. Sazonova L.A. Everyday life of a university professor in Kazan (1863–1917). *Diss. Cad. Hist. Sci.* Kazan, 2009. 217 p. (In Russian)
2. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. University culture in rituals, symbols, and myths (based on the materials of Kazan University). *Problemy Rossiiskoi Istorii*, 2006, no. 7, pp. 386–417. (In Russian)
3. Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Russian university corporation in the 20th century as a sociocultural phenomenon. *Eidos: Al'manakh Teorii ta Istorii Ukraini NAN Ukraini*, 2009, no. 4, pp. 236–261. (In Russian)
4. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Everyday Life Culture of the Country Town: Kazan and Kazan Residents in the 19th – 20th Centuries. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2008. 252 p. (In Russian)
5. Khabibrakhmanova O.A. New communication practices in professional space (by the example of academic intelligentsia of Tatarstan in the 1920s–1930s). *Vestnik Omskogo Universiteta*, 2013, no. 3, pp. 84–89. (In Russian)
6. Chanborisov Sh.Kh. Soviet University System Formation. Moscow, Vyssh. Shk., 1988. 194 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Хабибрахманова О.А. Профессиональные коммуникации научной интеллигенции: взаимоотношения со студенчеством (20-е годы XX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 942–949. ⟩

⟨ **For citation:** Khabibrakhmanova O.A. Professional communications of academic intelligentsia: Relations with students (1920s). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 942–949. (In Russian) ⟩